

Майское утро 1945 года. Село Кожелак Партизанского района живет обычной жизнью военного времени. Громко переговариваясь, звенят бидонами доярки. Ватага босоногих мальчишек летит за околицу за черемшой. Почтальон, переминаясь с ноги на ногу, держит в руках серый конверт, никак не решаясь постучать в ворота и сообщить печальную весть.

Пропал без вести

Восьмилетняя Надя Саленко с подружками играет на пригорке у овощехранилища. Там в темном, холодном подвале их мамы перебирают картофель. Звонко щебечут лесные птицы. Щебечут и девочки, радуясь первым теплым дням и ласковому солнцу. И вдруг эту утреннюю идиллию прервал громкий голос из «колокола» на огромной сосне. Встав полукругом, дети внимательно слушают. Победа! Услышав из репродуктора заветное слово, стремглав ворвались они в помещение хранилища и, перебивая друг друга, радостно и звонко закричали: «Победа, победа!» Дрогнули

Катятся слезинки

«Мне не было пяти лет, когда все молодые мужчины нашей родни ушли на фронт...»

Надежда Сергеевна Саленко

Сергей Лазаревич Саленко

Аркадий тоже сгинул. Илью убили, боевые товарищи прислали его вещи: простреленный партбилет, гимнастерку, шинель.

Семен был танкистом, сгорел во время страшного боя, похоронен в Калужской области. Петр погиб в 1942-м. Все молодые, красивые, работающие.

Каким, говорите, я отца запомнила? В тот день прощальный все собрались в нашем

Пришла повестка

В 1942-м сестра Валя пошла в первый класс, и я увязалась за ней. Учительница меня не выгнала, позволила сидеть за партой. Кусочки бересты заменили мне тетрадь. И у настоящих учеников тетрадей не было, писали на отдельных листочках, газетных страницах.

Мама сделала чернила – сажу с молоком сварила, привязала перо к палочке. Вот и все ученические принадлежности той поры.

Школу топили дровами. Мама каждого ученика, ведь папы все на фронте, должна была приготовить определенное количество и сложить их в поленицу в школьном дворе.

– Сижу я в классе на уроке, а за окном снег повалил. В начале октября зима пришла, – вспоминает Надежда Сергеевна. – Загрустила – как же домой пойду, ведь босая. Некоторые вовсе в школу не ходили, одна пара валенок да фуфайка на пятерых. Как-то маме удалось раздобыть литые галоши для нас с сестрой, голяшку она надставила из овечьей шкуры, получились незатейливые сапожки. Правда, от мороза они становились деревянными, и пока мы до школы добежали, ног совсем не чувствовали. Не спасали даже толстые вязанные носки. Только в третьем классе у меня появились валенки. Комиссовали с фронта односельчанина Ивана Ковалева, он начал катать эту незаменимую зимнюю обувь и обул большинство ребятшек.

В чем ходили? А в чем придется. Мама все полотенца нам на исподнее белье пустила.

Надежда Сергеевна горько вздыхает:

– Село выло не только от похоронок. Сельчан обложили сельхозналогом. Есть во дворе корова – сдай сорок килограммов мяса, семь килограммов масла, молоко, яйца с курицы – и те отдай. В 1942-м налог был увеличен, ввели и новый – военный. Уборочная идет, а на краю поля уже десятки подвод стоят. Все на фронт отправляли. А вы бы колхозную скотину в те годы

видели! Кожа да кости. Доярки придут на утреннюю, а бедные животные лежат. У них сил не было на ноги подняться от недоедания, кормов не хватало. А молоко с тощей буренки взять надо, иначе трудовень не поставят.

Чтобы, не дай бог, не задолжать государству, молодая вдова уходила на месяц в лес за кедровой шишкой. Надежда с сестрой и братом оставались на хозяйстве. Мешки с орехами Марина приносила на себе. Сушила на печи, а потом везла на тележке до самого Уяра, а это больше 60 километров в один конец. В городе орех сдавали, покупали детям необходимые школьные принадлежности, а остальное – в казну.

Маленькая Надя помогала маме как могла. Девочка не боялась никакой работы, рано научилась вязать крючком, вышивать, шить, готовить.

– А что на столе у нас в войну было? Капуста, огурцы соленые да грибы. Картошка мелкая, скороспелка. Варили ее только в мундире. На конопляном масле лук жарили и заправляли блюдо. Казалось, нет на свете еды вкуснее.

Если отруби удавалось достать, мешали их с сушеной крапивой и пекли лепешки. Весной на колхозном поле таянками мороженую картошку из земли выдалбливали. У нас одна мясорубка на улицу была. По очереди из дома в дом передавали. Крутили корнеплоды и жарили лепешки. Суп из черемши варили, толкли с маслом. Эта травка витаминная спасением от болезней была. Весной по всей деревне дух черемшинный стоял.

Кажется, чувство голода не покидало никогда. Мана, река наша, кормила всех. С подружками соорудим незатейливые сети из платка и палочек, пескاري в них попадались

жирнющие. Прямо на берегу в котелке уху сготовим. Иногда брат наловит сусликов, сварит суп, всех ребятшек с улицы накормит. Правда, сестра моя Валя есть это блюдо не могла.

В декабре 1944-го пришла повестка Василию Саленко, старшему брату Надежды. До ближайшего военкомата в Партизанске 30 километров. Вася где шел сам, проваливаясь в глубокий снег, где мать везла свою кровиночку на санях, может, не надеясь больше увидеть единственного сына. Василий участвовал в войне с Японией, вернулся в Кожелак только в 1952-м.

В 15 лет Надя устроилась помощником повара на сплавучасток. Бригады уходили в апреле, возвращались в ноябре. Три года плавала Надя по Мане, потом уехала в Красноярск, где устроилась на фабрику. Закрутилась жизнь, пролетели как один миг годы. Вот уже и правнучка Катя второй класс заканчивает.

Три часа продолжался наш разговор. От Надежды Сергеевны уходило не хотелось, она прекрасная рассказчица. Слушая ее воспоминания, я словно читала книгу, ярко представляла себе картины сельской жизни тяжелых военных лет, молодых женщин, не сломившихся от горя, но изнуренных непосильной ежедневной работой, ребятшек, до срока повзрослевших, выросших без отцов.

Провожая меня, Надежда Сергеевна сказала:

– Мы – крепкие. Наше поколение война всему научила. Я все умею. Штукатурить могу, дрова колоть и пилить. Ничего из рук не вывалится.

Татьяна БАДЕНКОВА
Фото Алексея МАТОНИНА
и из архива Надежды
ЗАХАРОВОЙ

– Вы бы колхозную скотину в те годы видели! Кожа да кости. Доярки придут на утреннюю, а бедные животные лежат. У них сил не было на ноги подняться от недоедания, кормов не хватало

лица женщин, выскочили они на свет божий и застыли, стараясь не пропустить ни одного слова. А потом... Потом бросились обнимать березы, упали на землю и начали громко и судорожно рыдать.

Надежда Сергеевна Захарова смахивает слезинку. Прошло 75 лет. В мельчайших подробностях она помнит тот день.

– Мы за папкой жили как у Христа за пазухой, – рассказывает Надежда Сергеевна. – Он сапожник был знатный, любую обувь шил на заказ. Кожаные сапоги и туфли без единого гвоздика, только шпильки березовые. Охотник, рыбак – до войны в доме рыба и мясо не переводились.

Мне пяти лет не было, когда все молодые мужчины нашей родни на фронт ушли. Папа Сергей Лазаревич, дядя Илья Саленко, дядя Семен Боговенко, дядя Петр Михеев. Все они навсегда остались на войне.

Отец пропал без вести. Племянница из Брянской области недавно узнала, что убило его во время вражеского налета у Ладожского озера. Одна воронка осталась. На том месте много солдат наших полегло, памятник там поставили, и фамилия отца на плите выбита.

доме. Стол собрали, долго сидели, переговаривались. Когда все ушли, отец сел на кровать, откинулся на подушки. Я обожала качаться на его ноге, вот и в этот раз визжала от восторга, взлетая выше стола. Заливаясь от хохота, смотрю, а папа плачет. Я спрашиваю: «Ты почему плачешь?» А он отвечает, что качает меня в последний раз, так как уезжает далеко и надолго. «Так ты в тайгу опять уедешь?» – спрашиваю я. Качает отец головой, а по щекам слезинки катятся. Таким и запомнила. Я была младшенькой в семье, любимицей его.

Были ли от него весточки с фронта, не знаю. Только в 1942-м бумага пришла. Отчего-то собралось в доме много женщин, тети, бабушки, сестры, невестки. Голосят. Нет на маме лица. Старший брат Василий упал за печь, и долго-долго его худенькие плечи сотрясала дрожь. Папка пропал без вести. Эту страшную боль я осознала только спустя несколько лет, когда немного повзрослела.

Кожелак – село большое. Как почтальон пройдет, в домах стоит рев. Соберутся вдовушки, песни поют, частушки, а потом все плачут. Наплачутся и работать пойдут. А как еще с горем-то справиться?

– Если отруби удавалось достать, мешали их с сушеной крапивой и пекли лепешки. Весной на колхозном поле таянками мороженую картошку из земли выдалбливали